

18+

Кирилл Кожурин

**«СОЛОВЕЦКОЕ
СИДЕНИЕ»
1668—1676 ГГ.**

Кирилл Кожурин

«Соловецкое сидение»
1668—1676 гг.

«Издательские решения»

Кожурин К. Я.

«Соловецкое сидение» 1668—1676 гг. / К. Я. Кожурин —
«Издательские решения»,

Книга петербургского писателя, философа и историка Кирилла Кожурина ««Соловецкое сидение «1668–1676 гг.» посвящена одному из центральных моментов русской политической и церковной истории — восстанию иноков Соловецкого монастыря, которые отказались принять церковную реформу патриарха Никона и царя Алексея Михайловича в середине XVII в., и в течение восьми лет выдерживали осаду царскими войсками. Книга повествует как о ходе самого восстания, так и о его предыстории и многообразных последствиях. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. «Во отце окияна моря»: Соловецкая обитель — центр на краю мира	7
2. «Яко великое зло Росия себе сего израсти»: Никон и Соловки	15
3. «Великаго смущения и мятежа церковь исполни»: начало церковного раскола	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Соловецкое сидение» 1668—1676 гг.

Кирилл Кожурин

К 350-летию со дня взятия Соловецкого монастыря

© Кирилл Кожурин, 2026

ISBN 978-5-0071-4352-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соловецкие инокы

1. «Во отце окияна моря»: Соловецкая обитель — центр на краю мира

В 1668 году произошло событие, которое не имели аналогов в отечественной истории: русские войска, посланные по приказу русского царя Алексея Михайловича, начали осаду главной православной святыни Русского Севера — Соловецкого монастыря. Монастырь с самого начала никоновской церковной реформы стал одним из главных оплотов старой веры, не пожелав изменять тем традициям древнего благочестия, которые были заповеданы его основателями — преподобными Зосимой и Саватием. Как справедливо отмечал академик Д. С. Лихачев, «официальные историки Русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668—1676 гг. как восстание невежественных сторонников старой веры против прогрессивных реформ Никона. Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежественность староверов XVII в.»¹

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь был четвертой по значению обителью северной Руси и при этом первым форпостом христианства и русской культуры в суровом Поморье, в «лопи дикой», опередившим и направлявшим поток русской колонизации. Основатели Соловецкого монастыря, преподобные Зосима и Саватий «выдержали необычайно суровую жизнь на острове, но уже Зосима, настоящий организатор монастыря, представляется нам не только аскетом, но и рачительным хозяином, определившим на века характер северной обители. Соединение молитвы и труда, религиозное освящение культурно-хозяйственного подвига отмечает Соловки и XVI и XVII веков. Богатейший хозяин и торговец русского Севера, с конца XVI века военный страж русских берегов (первоклассная крепость), Соловки и в XVII веке не перестают давать Русской Церкви святых»².

¹ Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Раздумья о России: Сб. ст. Санкт-Петербург: Logos, 1999. С. 572—615.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 161—162.

Современный вид Соловецкого монастыря. Фото автора

Без преувеличения можно сказать, что северные территории — это один из тех центров, откуда начинаются русская история и государственность. Земли эти в IX — XV веках занимали важнейшее место в экономической, политической и культурной жизни Древней Руси. «История северных территорий этого периода полна событий и имен, которые навсегда вошли в сознание и историческую память народа: призвание варягов, общенародное вече, путь „из варяг в греки“, князья Рюрик и Олег, Владимир Святой и Ярослав Мудрый, Александр Невский и Марфа Борецкая (Посадница), первые русские святые и колонизация северных земель — все это не только вехи истории „Господина Великого Новгорода“, но важные составляющие национальной культуры, отложившиеся на ментальном уровне»³.

Северные территории заселялись русскими поселенцами (преимущественно из Новгородской земли) с древнейших времен. Уже в начале XII века земли у Белого моря были колонией Великого Новгорода, пока в 1478 году вместе с покоренным Новгородом не вошли в состав Русского централизованного государства. И хотя исконное население Поморья составляли финно-угорские племена (карелы, коми, лопари — «чудь белоглазая» русских летописей), жившие здесь еще в VIII — IX веках, уже к XVII веку они были в значительной степени ассимилированы. Поморы издавна занимались морскими промыслами и торговым мореплаванием. Добывали тюленя и моржа на полярных островах, ловили семгу и сельдь, а на Мурмане — треску. Строили укрепленные поселения-остроги, служившие северными форпостами Новгородской республики, и давали вооруженный отпор шведам и норвежцам. Поморы были первыми русскими полярными путешественниками, на парусных судах — лодьях, кочах, кочмарах — посещали далекие полярные острова, достигли даже Шпицбергена, называемого ими

³ Бицадзе Н. В. Храмы неорусского стиля: идеи, проблемы, заказчики. М., 2009. С. 158

Грумантом. Славились как отважные и искусные мореходы, умевшие составлять «поморские лоции» и строить надежные суда.

В XIII — XV веках прошла христианизация местного населения в результате церковно-монастырской колонизации Поморья. Появились многочисленные монастыри и церковные приходы Новгородской епархии, что во многом повлияло на дальнейшую судьбу этого региона. Активная духовная жизнь, отличавшая северные регионы, оказывала сильное влияние на всю Русь. Северные земли дали большое количество общерусских святых и подвижников: благоверный князь Александр Невский, первый новгородский архиепископ святой Иоанн (Илия), просветитель зырян святой Стефан Пермский, основатели Соловецкого монастыря преподобные Зосима и Саватий. Широкое распространение в псковско-новгородских землях получил такой тип благочестия, как юродство: Никола Качанов и Михаил Клопский, Иаков Боровицкий и Никола Салос, Прокопий и Иоанн Устюжские подвизались в этих краях. Один из первых и немногих примеров русского столпничества представлен в лице святого Савы Вишерского. На Русском Севере было явлено немалое количество чудотворных богородичных икон, что служило символом авторитетности местной церкви: Свирская, Коневская, Псково-Печерская, Белозерская, Старорусская, Беседная, Мирожская, Черская (Псковская), Выдропусская, Любятовская, Устюжская... Две из прославившихся в этих местах икон имели особое значение для всей Руси: чудотворная икона Знамения Богоматери в Великом Новеграде и икона Тихвинской Богоматери, исчезнувшая из Константинополя и чудесным образом появившаяся над Ладожским озером в 1383 году.

Северная Русь, край суровый и малолюдный, но необыкновенно красивый и таинственный, располагающий к созерцанию и молитве, издавна привлекал к себе искателей Божественной Истины. Здесь во множестве основывались монастыри и скиты, за что край этот по праву назывался «Северной Фиваидой». Северные обитатели, со временем превратившиеся в крупные духовные центры, сыграли неоценимую роль в истории русской культуры: Кирилло-Белозерский и Ферапонтов, Нуромский и Спасо-Каменный монастыри, Нилова пустынь и Соловецкий монастырь, Александро-Свирский и Антониево-Сийский монастыри. На протяжении XVI — XVII веков значительное число религиозных деятелей, подвизавшихся именно на Севере, были причислены к лику святых: Кирилл Белозерский, Нил Сорский, Антоний Сийский, Александр Свирский, Павел Обнорский, Александр Ошевенский, Зосима, Саватий и Герман Соловецкие, Дионисий Глушицкий, Александр Кугицкий, Макарий Калязинский, Трифон Печенгский... Еще больше было святых местночтимых. Немало среди них было и постриженников Соловецкого монастыря: Иоанн Молчальник, Василий-пономарь, Иоанн и Логин Яренгские, митрополит Филипп Московский, игумены Иаков и Иринарх Соловецкие, Диодор Юрьегорский, Елеазар Анзерский, черный дьякон Игнатий Соловецкий...

Несколько удаленное от исторических центров русской государственности и просвещенное светом Христовой веры позже других областей России, Поморье к началу никоновских церковных реформ еще не утратило свежести восприятия и незамутненной чистоты своей веры. Печальные события русской смуты начала XVII века, нашествие иноземных полчищ на Русь и знакомство с их нравами и обычаями, которые они пытались насадить, к счастью, почти не затронули этот край. Отчасти это и стало одной из причин широкой распространенности старой веры на Русском Севере в последующие два века.

Обитель соловецких чудотворцев. Икона XVII в.

Первое монашеское поселение возникло на Соловках в 1429 году, когда здесь обосновались преподобные Саватий и Герман, проводшие в уединении на острове шесть лет. В 1436 году, после смерти Саватия, на остров прибыл Зосима, основавший здесь обитель и две деревянные церкви — Преображения Господня и Святого Николы Чудотворца. Новгородский архиепископ Иона прислал сюда игумена Павла, которого в 1442 году сменил игумен Зосима. В 1485 и 1538 годах на Соловках были сильные пожары, в результате чего в 1552 году было начато каменное строительство церквей, а в 1590—1594 годах отстроена оборонительная гранитная стена.

Расцвет Соловецкой обители в XVI веке был связан с деятельностью игумена Филиппа, избранного в 1548 году монастырским собором и возведённым в сан игумена новгородским архиепископом Феодосием. Игумен Филипп положил немало трудов по внутреннему и внешнему благоустройству обители. Большие денежные вклады от царя и других благотворителей дали возможность выстроить два больших храма: в честь Успения Пресвятой Богородицы и Преображения Господня. Благодаря данному царём праву беспошлинной торговли солью и образцовой хозяйственной деятельности игумена Филиппа монастырь сделался богатейшим промышленным и культурным центром северного Поморья. Филипп устроил сеть каналов между многочисленными озёрами на Соловецком острове, поставил на них мельницы, соорудил ряд новых хозяйственных построек, увеличил хозяйственный инвентарь. На поморских землях увеличилось число соляных варниц, был организован первый в Корельском уезде железоделательный оружейный завод на берегу реки Пялы.

Своей праведной жизнью соловецкий игумен стяжал всеобщее уважение, а слава о нем и о его жизни распространилась так далеко, что достигла царя Ивана IV, который вызвал Филиппа из Соловецкой обители и предложил занять кафедру митрополита Московского и всея Руси.

5 августа 1621 года в Соловецкий монастырь пришла царская грамота, в которой говорилось, что, поскольку Соловки «место украинное» (окраинное), монастырь необходимо укрепить, соорудить каменные жилые дома для служилых людей и надлежало «ров около Соловецкого города, который почат выкладывати каменем... докопати, и каменем выстлати и чеснок побити».

Будучи крупнейшим собственником на Русском Севере, Соловецкий монастырь получал доходы из различных источников: соляной и рыбный промыслы, земледелие, слюдяные разработки, кожевенные избы, поташные заводы, железоделательное производство, добыча жемчуга, разнообразные ремесла, иконописание и книгописание. Монастырю принадлежали обширные земельные владения по западному берегу реки Онеги, весь берег от реки Кеми до реки Выг и озера Ковдо, целый ряд поморских волостей. Собственный флот монастыря составляли 50 ладей. Кроме того, в монастырь делали крупные вклады московские великие князья и цари — и землями, и промыслами, и деньгами. Монастырь находился на особом положении, начиная с правления великого князя Василия III, даровавшего обители «несудимую грамоту». Грамота подтверждалась и последующими правителями московскими. Монастырь пользовался общерусским авторитетом, каждое лето сюда стекались многочисленные толпы паломников со всех уголков Русского государства.

Спасо-Преображенский монастырь. Фото автора. 2009 г.

В 1651 году вместо игуменства на Соловках была учреждена архимандрия: постриженник монастыря Илия Пестриков, поставленный в 1645 году в его игумены, был возведен в сан первого соловецкого архимандрита новгородским митрополитом Никоном. Это означало официальное признание высшего ранга монастыря. До конца XVII века монастырь находился в пределах Новгородской епархии, но при этом пользовался известной самостоятельностью. Кроме архимандрита обитель возглавляли келарь (заведующий монастырским хозяйством) и казначей. Обоих избирали на «черном» монастырском соборе. Настоятель, келарь и казначей,

а также священники и 12—14 соборных старцев составляли так называемый малый черный собор — верхушку монастырской администрации. Большой черный собор (т.е. собрание всех иноков обители) созывался в особо важных случаях.

Наряду с Кемью Соловецкий монастырь представлял собой важнейшую приграничную крепость с гарнизоном и артиллерией. К XVII веку в монастыре было около 350 монахов, 600—700 послушников и крестьян. В годы, непосредственно предшествовавшие восстанию, общее число братии простиралось от 200 до 300 человек. Черный поп Митрофан показывал: «А братии-де в монастыре двести человек, да бельцов триста человек». Тоже говорил и старец Пахомий перед воеводой И. А. Мещериновым: «А братии-де в монастыре всей с триста человек, а бельцов больше четырех сот человек».

Укрепление монастыря как «государевой крепости» продолжалось на протяжении последующих веков. При игумене Иакове в 1582—1594 гг. из природного камня были возведены мощные стены и башни. Оборонительная роль обители еще более усилилась в игуменство преподобного Иринарха (1613—1626), при котором монастырское хозяйство достигло особого расцвета. В XVI — XVII веках монастырь выдержал несколько нападений шведов (в 1571, 1582 и 1611 годах).

Первый соловецкий архимандрит Илия сильно укрепил обороноспособность обители, увеличил боевые и хлебные запасы. С 1654 года все монахи по благословению Ильи как архимандрита и военачальника стали обучаться военному делу и были расписаны по местам — по башням, стенам и пушкам на случай осады: 425 монахов было «под оружием». В 1657 году Илия предупредил царя о готовящемся нападении шведов, заново отстроил и вооружил артиллерией Кемский острог (на острове Лепе посреди р. Кемы), а в 1658 году шведы были снова успешно отражены. Военные и организационные навыки монахов, привитые Илией, несомненно, пригодились им впоследствии во время осады монастыря царскими войсками.

При Соловецком монастыре существовало обширное книжное собрание, которое относилось к разряду наиболее крупных и наиболее тщательно подобранных по составу. В обители были также хорошо налажены книгописная и переплетная мастерские. Книгописная мастерская, созданная в 1630-е годы, просуществовала до середины 1670-х годов, т.е. до взятия монастыря царскими войсками. Из числа книгохранителей выходили самые почитаемые старцы. Будущий архимандрит монастыря и один из лидеров Соловецкого восстания Никанор начинал свой путь с должности книгохранителя. Книгохранителем был и другой руководитель старообрядческого сопротивления — черный дьякон Нил.

Любопытен сам состав монастырской библиотеки. «Подбор книг соловецкой библиотеки определялся интересами монахов, отражал их внимание к богословским и обрядовым темам. Важной особенностью соловецкого книжного собрания, той его части, которая была сформирована в XVII в., является большой репертуар догматических сочинений. Среди них почти все памятники российских богословских споров первой половины XVII в., множество полемических сборников антиеретического, антикатолического и антипротестантского содержания, несколько списков Катехизиса Лаврентия Зизания. Особый интерес представляют соловецкие списки сборника „Изложение о вере“ (Просветитель Литовский), послужившего основой для популярного среди старообрядцев издания — Кирилловой книги. В Соловецком монастыре была создана самостоятельная редакция сочинений Арсения Суханова. Подобный состав библиотеки... достаточно определенно свидетельствует о повышенном интересе соловецких книжников к догматическим и обрядовым проблемам. Традиции полемических сочинений русских авторов первой половины XVII в., а также украинских и белорусских полемистов оказали влияние на формирование писательских стилей авторов — будущих идеологов Соловецкого восстания»⁴.

⁴ Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1668—1676 годов. 2-е изд. М., 2009. С. 22.

Вместе с тем среди соловецких иноков в 50—70-х годах XVII столетия появилась целая плеяда оригинальных писателей-книжников, стоявших у истоков старообрядческой книжной традиции. Наиболее известные из них: архимандрит Никодим, священноинок Сергей Шелонин, священноинок Герасим Фирсов, архимандрит Никанор, черный дьякон Игнатий Соловецкий, инок Епифаний, священноинок Геронтий. «В середине XVII в. известные соловецкие книжники — Никодим, Сергей Шелонин, Герасим Фирсов — создавали сочинения ярко выраженной идеологической ориентации. Кроме того, сохранились анонимные статьи соловецких писателей этого же времени, трактующие такие важные для них вопросы, как книжное исправление, отношение к грекам»⁵. При этом нужно отметить, что в рядах монастырских книжников были и те, кто стоял на жестко-ортодоксальных позициях, кто готов был умереть «за единый аз», и те, кто был более рационально настроен, более гибок, но при этом и более глубоко убежден в ошибочности никоновской реформы. В любом случае, протест соловецких иноков против никоновской реформы был вполне осознанным. «Они первыми предприняли детальное сличение старых и новых книг, результаты которого были изложены в Пятой соловецкой челобитной. Приученная к стойкости суровой северной природой и примером митрополита Филиппа, монастырская братия предпочла верность старой традиции, традиции святых соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, почтению к высшим земным властям»⁶.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Юхименко Е. М. Старообрядческая история Соловков // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / Отв. ред. О. В. Панченко. Санкт-Петербург, 2010. С. 289.

2. «Яко великое зло Росия себе сего израсти»: Никон и Соловки

Мирная жизнь Соловецкой обители продолжалась до 1653 года, когда патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича начал церковную реформу, расколовшую русское общество на два непримиримых лагеря.

По официальной версии, будущий патриарх Никон (в миру Никита Минов) именно здесь, в Свято-Троицком Анзерском скиту Соловецкого монастыря, в 1635 году, принял иноческий постриг. Однако существует и другое мнение. Епископ Александр Вятский в своем «Обличении» на патриарха Никона (1662) излагает иную версию начального периода его служения: «Еще бо в царствующем граде Москве белцем быв, священноиноческую благословенную грамоту взял, оболгав преосвященнаго Аффония, митрополита Новгородскаго, и Никона себе нарек прежде пострижения своею волею. И едучи во Анзерскую пустынь, на Вологде, на паперти церковней ильинским игуменом Павлом пострижен, а не в церкви. И приедучи в пустыню, абие священноиноческаю действовал, а под началом не бывал. Аще всю жизнь ево кто известно ведал и прежде проклятия чести и власти вправду бы рек, яко и на праг церковный несть достоин взяти»⁷.

⁷ Цит. по: *Севастьянова С. К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 20.

Прижизненная парсуна «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря»

Преподобный Елеазар (ум. 1656), в обитель которого прибыл будущий патриарх всея Руси, в 1612 году с благословения игумена удалился из Соловецкого монастыря на безлюдный Анзерский остров и поселился на горе Голгофе близ озера Круглого, пребывая в постоянной молитве и богомыслии. Со временем молва о подвижнике распространилась по всему Поморью, и к нему начали стекаться желающие подвизаться в безмолвии и уединении. Всех приходящих преподобный Елеазар принимал с кротостью и любовью и не запрещал им селиться подле себя. Господь наделил Своего угодника даром прозрения и чудотворения. Царь Михаил Феодорович, сильно скорбевший, что не имеет наследника, узнав о подвижнической жизни

святого, вызвал его в Москву, надеясь получить помощь по его молитвам. Преподобный Елеазар утешил царя и предрек ему рождение сына. По исполнении этого предсказания в 1629 году царь щедро одарил преподобного и помог начать на острове строительство каменного храма во Имя Пресвятой Троицы. Прибыв на остров Анзер, новопостриженный священноинок Никон становится одним из двенадцати учеников преподобного Елеазара. Вместе с анзерским игуменом он ездил в Москву за «милостыней», предназначавшейся для постройки каменного храма на Анзере, занимался перепиской книг. Однако вскоре после поездки между Никоном и преподобным Елеазаром возникли трения.

«С сего времени нача Никон самовольно входити в хозяйственныя управления скитскими делами, якобы приобретох на сие некую власть за участие в сборе пожертвований. По неcoliщем же времени нача нечто изменяти в церковной службе, и с старшими клириками нача спиратися, и нача приводити старца Елиазара в немалое сомнение. И некогда Елиазару во время божественной службы, егда же Никону чтушу божественную литургию, виде Елиазар около выи (шеи. — К. К.) Никона змия черна и зело велика оплетшеся, и вельми ужасеся, и глаголяше отай братии: „О, какова смутителя и мятежника Россия в себе питает. Сей убо смутит тоя пределы и многих трясений и бед наполнит“. И прирече: „Аще бы кто убил сего чернца, то умолил бы аз за того Бога“. И с сего времени начаша Елиазар и вси братия не любити Никона и не допускати его до чтения и пения в божественной службе»⁸.

⁸ История о искоренителе древняго благочестия патриархе Никоне отступнике святых веры // Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 349—350.

Никон служит литургию в Анзерском скиту. Старообрядческая миниатюра

Как видим, приняв иночество, Никон не особенно стремился к затворничеству и иноческому деланию. Его амбициозная натура требовала власти. В 1634 году, видимо, из-за очередных столкновений с братией Анзерского скита, он вынужден был покинуть остров, бежав на рыбацкой лодке. Буря, разыгравшаяся на море, прибила лодку к каменистому Кий-острову, около устья реки Онеги. Здесь в честь своего спасения Никон поставил крест, а позже основал монастырь, названный Крестным («Ставросом»). Затем он перешел на жительство в Кожеозерский монастырь (в Каргопольских пределах), также находившийся на уединенном острове. В Кожеозерском монастыре он был в 1643 году выбран в игумены немногочисленной братией монастыря, а спустя некоторое время сделал головокружительную церковную карьеру, обратив

на себя внимание молодого царя Алексея Михайловича и перебравшись в Москву. Однако на Соловках очень хорошо помнили первые шаги будущего церковного реформатора.

Царь Алексей Михайлович

Сохранил и Никон в своем сердце неприязнь к северной обители. Как верно заметил современный историк Соловков, «иеромонах Никон (Минов) вступил в экзистенциальный конфликт не только с преподобным Елеazarом, но и с Соловецким монастырем как сложным, разноуровневым организмом, живущим по своим, сложившимся на протяжении веков законам»⁹. Впоследствии, став в 1648 г. митрополитом Новгородским и Великолуцким, Никон старался всячески ущемить в правах Соловецкую обитель, издревле пользовавшуюся само-

⁹ Гуреев М. А. Повседневная жизнь Соловков: От Обители до СЛОНа. М., 2018. С.164.

управлением и обширными льготами. Так в 1650 году он особой грамотой к соловецкому настоятелю Илие приказал печь «раздаточные» просфоры, безвозмездно раздававшиеся богомольцам после литургии, не из дешевой ржаной муки, а из дорогой пшеничной. Иноки пытались возражать, но вынуждены были покориться. С огромными расходами и убытками обитель смогла выполнить приказ архиерея. Затем последовал запрет есть рыбу в субботы и воскресенье Великого поста¹⁰, нарекания из-за свободного положения ссыльных в монастыре и прочие мелочные придирки. В 1651 году Никон покусился на монастырское самоуправление: он добился привилегии «ведать судом и управою» над Соловками и не замедлил воспользоваться этим, начав активно вмешиваться во все дела обители. Не раз Никон «пользовался» монастырской казной и библиотекой — соловецкие иноки в жалобах царю называли книги и ценности, изъятые митрополитом. Сильный удар по хозяйственной жизни Соловков был нанесен организацией в Поморье личного монастыря Никона — Крестного. В пользу этого монастыря, уже будучи патриархом, Никон отписал две богатые соловецкие вотчины: Кушерецкую волость и Пияльское усолье. Кроме того, в Крестный монастырь соловляне должны были поставлять хлеб.

Но одним из последних действий, укрепивших стойкую неприязнь соловецких иноков к будущему патриарху, стало торжественное перенесение мощей митрополита Московского Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 году, которое непосредственно предшествовало никоновской церковной реформе. Этот акт явился своего рода «пиар-кампанией» в ряду других, призванных подготовить общественное мнение к принятию будущей реформы.

На первый взгляд, это было лишь очередное событие в ряду аналогичных перенесений мощей московских первосвятителей. Так, по инициативе Никона в Успенский собор Кремля в начале 1652 года были перенесены из Чудова монастыря мощи патриарха Ермогена, а из Старицы — мощи первого русского патриарха Иова. Оба они пострадали в Смутное время. Однако митрополит Филипп пострадал не от иноземцев, а от «природного» русского государя, он погиб в результате столкновения светской власти с церковной. И на этом делался особый акцент. В своей покаянной грамоте, обращенной к мощам святого Филиппа и составленной по примеру обращения императора Феодосия к мощам святого Иоанна Златоуста, царь Алексей Михайлович просил мученика «еже разрешити согрешения прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенные на тя нерассудно завистью и неудержанием ярости». С одной стороны, принимая на себя грехи своего «прадеда» (который на самом деле никаким ему прадедом не был), Алексей Михайлович лишний раз пытается продемонстрировать законность прав Романовых на царский престол, а с другой — видимым образом принижает царскую власть перед властью духовной. Последнее не могло не импонировать церковным властям и кружку «ревнителей благочестия», собравшегося вокруг царского духовника протопопа Стефана Внифантьева.

Но сами инициаторы перенесения мощей святого Филиппа в Москву руководствовались совсем не благородным желанием «восстановить историческую справедливость». Как считали многие историки, тайной целью Никона было выставить преимущество власти священной иерархии над царской властью. И внешне все вроде бы выглядело именно так. Царь в своем обращении к святому Филиппу, в действительности составленном Никоном, писал: «Сего ради преклоню сам свой царский сан за оного (Ивана IV. — К. К.) же в мя согрешившаго, да оставиша ему согрешения его, своим к нам пришествием, да подаем тому прощение... Сего ради молю тя о сем, священная главо, и честь моего царства преклоняя честным мощам, и повинную к твоему всю мою власть». Однако если учесть, что главным инициатором церковной реформы

¹⁰ Особенностью Соловецкого устава было то, что в определенные постные дни разрешалось вкушение рыбы. В частности, по поводу Великого поста в Соловецком уставе содержалось следующее указание: «В субботу и в воскресенье ко шам пласти или сущи вялые пласти (сушеная или вяленая рыба — К. К.) и каша», а в Соловецкой Кормчей 1493 года говорилось: «В субботу и в воскресенье рыбу едим дважды в день».

был все-таки сам царь, то ситуация предстает несколько в ином свете. Это действие должно было способствовать еще большему выдвижению Никона на первые роли и удалению Алексея Михайловича в тень. Царю требовалась подходящая «ширма», за которой можно было бы на первое время спрятаться, а когда страсти поутихнут и недовольные будут выявлены и уничтожены, можно будет всю вину свалить на подставное лицо и затем (в случае чего) избавиться от нее. Это было бы удобнее и в том случае, если бы реформа встретила массовое сопротивление и потерпела неудачу. Во всем виноват Никон, а царь как будто совсем ни при чем... Типично иезуитский прием.

Итак, началась пьеса, в которой у каждого была расписана его роль. 11 марта 1652 года Никон выехал на Соловки за мощами, везя с собою покаянную царскую грамоту. Соловецкой братии он сообщил, что намерен вскоре побывать на острове, чтобы якобы поклониться мощам соловецких чудотворцев. Поездка по Белому морю едва не закончилась для него печально. Поднялась страшная буря. Одна ладья утонула, при этом погибло 69 человек, другую — князя И. Н. Хованского — отнесло к Николо-Корельскому монастырю, а ладью самого Никона забросило в Пудожское устье. Но, наконец, добравшись до Соловецкого монастыря, Никон после торжественной службы в день Святой Троицы зачитал царскую грамоту и положил ее на гроб митрополита Филиппа. Соловецкие иноки не хотели расставаться с мощами любимого святого, но Никон был непреклонен и 10 июня вместе с мощами покинул Соловки. Второй акт этой тщательно режиссированной пьесы будет сыгран, когда Никон вернется в Москву.

На Соловках состоялась одна знаменательная для будущего патриарха встреча — он познакомился с сосланным сюда еще в 1649 году по подозрению в связях с униатами и католиками авантюристом Арсением Греком, неоднократно менявшим свою веру. Считается, что именно на Соловках Арсений Грек под руководством иноков научился читать по-русски, познакомился с богатой монастырской библиотекой. В продолжение двух лет своей ссылки Арсений вел беседы о вере с соловецкими старцами, причем крайне негативно оценивал нравы современных греков, так что многие из его рассказов позднее использовались старообрядцами как примеры повреждения греческого православия. Увидев Никона, Арсений будто бы упал ему в ноги и приветствовал как патриарха, что не могло не польстить тщеславному Никону.

Никон освободил Арсения и взял его с собой в Москву, где отвел ему келью в собственном доме, поручил заведование патриаршей библиотекой и с 1654 года назначил справщиком Печатного двора и переводчиком богослужебных книг. Однако в народе об Арсении Греке сложилось однозначное мнение: «волхв, еретик, звездочет, исполнен скверны и смрада езувитских ересей». Во время мора 1654 года в Москве люди прямо говорили: «Во всем виноват патриарх, держит он ведомого еретика, старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки книг печатных, и тот чернец много книг перепортил, ведут нас к конечной гибели; а тот чернец за многие ереси вместо смерти сослан был в Соловецкий монастырь»¹¹.

В ярких апокалипсических образах рисует деятельность Арсения Грека протопоп Аввакум: «И сего еретика Арсения Никон привезши к Москве с собою из Соловецкаго монастыря, царю охвалил и стал его у себя держать, яко подпазушную змию. Егда же учинился патриархом Никон, нападе на Святую Церковь, подобен оному зверю, его же Богослов видя восходящ от земля и имяше два рога, подобна агнчим, и глаголаше, яко змий; и область первого зверя всю творяше пред ним, и творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому зверю, иже из моря исходяща. Кожа его, яко кожа рысья; уста его, яко уста львова; ноги его, яко ноги медвежьи; зубы его, яко зубы железны; ногти его, яко медяны, раздирая церковныя законы и истинная и попирая вся догматы. И того невернаго раба и врага Божия Арсения приставил к

¹¹ Соловьев С. М. История России. М., 1960. Кн. VI. Т. 10. С. 630.

книжной справе на печатной двор. И почали книги казить и всякия плевелы еретическия в книги печатать»¹².

Действительно, тщеславный и недалёковидный Никон пригрозил у себя на груди змею. Когда он потеряет власть и более уже не сможет с прежней щедростью оказывать Арсению свои милости, тот предаст его и, не задумываясь, перейдет на сторону врагов бывшего патриарха.

В это время в Москве при таинственных обстоятельствах умирает патриарх Иосиф. Несомненно, престарелый патриарх понимал, что мешает реформаторам, и что они с нетерпением ждут, когда же он, наконец, освободит патриаршую кафедру для более стоворчивого кандидата или даже для явного сторонника новшеств. Предчувствуя скорую смерть, во время перенесения мощей патриарха Иова в Успенский собор 5 апреля 1652 года Иосиф указал царю на место рядом с гробом Иова: «Кому ж в ногах у него лежать?» «Ермогена тут положим», — ответил царь. «Пожалуй, государь, меня тут, грешнаго, погresti». Через десять дней патриарха не стало...

«Бог изволил скорым обычаем взять», — поспешил известить своего «собинного» друга Никона царь Алексей Михайлович. В своем письме к Никону царь подробно описывает внезапную болезнь и смерть патриарха: «В понедельник шестой недели Великого поста заболел лихорадкою да трясла его ходячи по дням, а к Вербному воскресению и полегчело, да пришел утин да грыжа, на злую силу ездил на осляти¹³; а кручиноват добре был, в ходу никто не мог угодить, на всех кручинится... Да на Страстной неделе посылал я в понедельник и во вторник о спасении спрашивать, и он государь сам выходил да сказывал: „есть де легче; прямая де лихорадка и знобит и в жар великой приводит“; да во вторник ездил отпевать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпевал де на злую силу, весь де черн в лице...»¹⁴

Вряд ли патриарх Иосиф умер своей смертью. Слишком уж он мешал реформаторам. Слишком уж они торопились приступить к реализации своих авантюрных планов. «Привлекает внимание и то, что сразу после смерти наступает необычно быстрое и даже бурное разложение трупа, хотя на дворе стоит ранняя весна, и было, вероятно, достаточно прохладно. Труп разлагается столь бурно, что стоявшему рядом с гробом царю стало не по себе: „Побеги вон, тотчас тебя, вскоча, удавит!.. Да в ту ж пору как есть треснуло у него в устах и я досталь испужался“»¹⁵.

Преемник Иосифу был уже давно predetermined царем и его духовником. В том же письме, в котором он сообщал Никону о смерти патриарха Иосифа, Алексей Михайлович пишет: «Возвращаясь, Господа ради, поскорее к нам, обирать на патриаршество именем Феогноста (в переводе с греческого „известный Богу“. — К. К.), а без тебя отнюдь ни за что не примемся... ты, владыко святой, помолись... чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, кто Ему Свету годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя, великаго святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит, да отец мой духовный... а сказывают свят муж».

6 июля 1652 года митрополит Новгородский Никон, обогнав посольский поезд с мощами святого Филиппа, прибыл в Москву. Мощи были пока отправлены в Троице-Сергиев мона-

¹² Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 314.

¹³ Имеется в виду т.н. шествие на ослати — православный обряд, совершавшийся с особой торжественностью в Русском государстве в праздник Вербного Воскресенья и символизировавший вход Господень в Иерусалим — въезд Иисуса Христа на осле. В письменных источниках упоминается с XVI века. В XVI веке шествие совершалось только в Кремле. С XVII века шествие проходило от Успенского собора через Спасские ворота к Входинерусалимскому приделу Покровского собора (храма Василия Блаженного). Обряд не прекращался даже в 1611 году, когда Кремль был занят польскими захватчиками. Во время этой церемонии патриарх держал в одной руке Евангелие, а в другой крест, и садился на ослика, а царь вёл ослика за конец повода.

¹⁴ Цит по: Евдоким (Мещерский), еп. Царь и патриарх: к характеристике их взаимных отношений // Богословский вестник. 1906. Т. 1. №4. С. 741 (третьей пагинации).

¹⁵ Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2004. С. 329.

стырь вместе с присланными от царя людьми. Царю не терпелось поскорее увидеть своего любимца и обсудить с ним сценарий предстоящих событий.

9 июля 1652 года у заставы, которая тогда находилась у Напрудного, за Сретенскими воротами, состоялась торжественная встреча мощей святого митрополита Филиппа. Навстречу мощам из Москвы вышел крестный ход во главе со старейшим русским иерархом митрополитом Ростовским и Ярославским Варлаамом и самим царем. За ними следовало многочисленное духовенство и толпы простого народа. Соединившись вместе, обе процессии направились в Успенский собор Кремля, где мощи святого Филиппа были оставлены открытыми для поклонения.

В письме к князю Н. И. Одоевскому царь подробно описывает всю торжественную церемонию перенесения мощей: «Подарил нам Бог... великаго солнца, целителя, новаго Петра и втораго Павла проповедника; великаго преславнаго солнца Филиппа, митрополита Московскаго и всея Руси, чудотворца возвратил мощи... И таково много народу было, от самага Напруднаго по соборную и апостольскую церковь. Не много было ни яблоку упасть. А больных тех лежавших и вопиющих к нему, свету, безмерно много, и от великаго плача и вопля безмерный стон был. И стоял стон десять дней среди церкви для молящихся; во всю десять дней без престани... с утра до вечера звон. Как есть на Святой неделе, так и те радости были. То меньше, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и седмь исцеляются»¹⁶.

Однако были и другие знамения, которые заставляли задуматься... Во время крестного хода возглавлявший его в полном архиерейском облачении митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам внезапно упал и скончался. Смерть более чем странная, особенно если учесть, что Варлаам был одним из возможных кандидатов в патриархи... Еще одно знамение — страшное видение, посетившее в ту же ночь благочестивого старца Симеона в Чудовом монастыре.

«Сущу же Никону в тыя дни в Москве, старец некий свят живой во обители Чюда святаго архангела Михаила, именем Симеон, виде в нощи видение страшно яко змий велик, зело пестр и страшен видением, обогнувся около царския грановитыя полаты яже в Кремле и ужасную свою лютым ядом дышащую главу, и грозно прегигающийся ошиб (хвост. — К. К.) вложив на праг тоя полаты лежаше. Таковое видение видя старец той от ужаса скоро воспряну и пристрашен быв зело на мног час. Потом в себе быв поведи сие видение соборным братиям. Тии же ужасом одержими глаголаху: „что сие хочет быти?“ Потом же скоро уведаша, яко во всю ночь ону, в нюже старец видение виде, Никон митрополит во оной полате с царем беседоваста, а о чем разглагольство их было, о том молчанием покрыся»¹⁷.

Несмотря на то, что «разглагольствие» царя с будущим патриархом «молчанием покрыся», нетрудно догадаться, о чем они в действительности могли говорить наедине. Последующие события достаточно красноречиво говорят о том, что между Алексеем Михайловичем и Никоном произошел тайный сговор. Будущие события были обсуждены и четко рассчитаны, словно в шахматной партии.

На 22 июля был назначен Собор для выборов нового предстоятеля Русской Церкви, которые были разыграны царем и Никоном, нужно сказать, мастерски. Сам Никон на Собор не явился, словно показывая этим, что вовсе не стремится к власти. После молебна в Успенском соборе перед мощами московских первосвятителей соборянам было предложено избрать достойнейшего из 12 кандидатов. Чтобы соблюсти формальность, провели жеребьевку, однако указанный жребием престарелый и всеми уважаемый архимандрит Антоний (отец одного из будущих видных реформаторов архиепископа Илариона Рязанского) немедленно отказался. Тогда Собор единогласно избрал в патриархи Никона. Получив одобрение царя, послали за

¹⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. I. С. 223—224.

¹⁷ Повесть о житии и рождении и воспитании и о кончине Никона, бывшего патриарха московскаго и всея России, собранная от многих достоверных повествователей, бывших во дни отец наших // *Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 1900. С. 150 (второй пагинации).

Никоном на Новгородское митрополищье подворье особую делегацию из светских и духовных лиц. На этом все вроде бы успокоились...

Однако пьесу надо было доиграть до конца. Никон стал категорически отказываться идти в Успенский собор. За ним посылали еще несколько раз, но все безрезультатно. Наконец, Алексей Михайлович послал за Никоном своих самых знатных бояр и архиереев и приказал им привести Никона, даже если он будет сопротивляться, в Успенский собор. Здесь Никон на мольбы царя и народа снова стал отказываться, называя себя «смирненным, неразумным, не могущим пасти стадо словесных овец Христовых». Тогда царь, а вслед за ним бояре и весь собор, перед мощами святого митрополита Филиппа, упали в ноги Никону и, распростершись ниц, стали слезно умолять его принять патриарший сан.

Царь Алексей Михайлович и Никон, митрополит Новгородский, у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского. Худ. А. Литовченко.

Никон, наконец, согласился, но поставил условие: «Если вам угодно, чтобы я был патриархом, произнесите обет в этой соборной церкви... что вы будете содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и святых отец и законы благочестивых царей. Если обещаетесь слушать и меня, как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, если дадите мне устроить Церковь, то я по вашему желанию и прошению не стану более отрекаться от великого архиерейства»¹⁸. Царь и Собор дали Никону такое обещание. Павел Алеппский, описывая избрание Никона на патриаршество, также сообщает об условии, поставленном им, что «царь отнюдь не будет заниматься делами Церкви и духовенства», и добавляет, что это соглашение между Никоном и царем было даже скреплено особым «царским указом», то есть какой-то грамотой царя, в которой он письменно подтверждал свой отказ от участия в делах Церкви и духовенства. Дьякон Феодор подтверждает этот факт: «Царь же Никону... запись даде... своею рукою в начале поставления его, еже во всем его послушати, и от бояр оборонять, и его волю исполнять, якоже прельщенный оный отрок рукописание даде сатане, егоже Василий Великий избави молитвою от погибели тоя, — тако омрачи его Никон лестчим некако духом»¹⁹.

23 июля 1652 года Никон был наречен патриархом, а 25 июля состоялось его торжественное возведение на патриаршество. Рукоположение²⁰ было совершено на Соборе архиереев во главе с митрополитом Казанским и Свияжским Корнилием по специально составленному «Чину избрания, наречения, благовествования, посвящения Никона...» Никон был одет в саккос святого митрополита Петра. В своей речи он ясно дал понять, что его интересы ограничиваются не только Русской Церковью, но и всем православным миром. Он обещал молиться, чтобы «благочестивое царство прославилось от моря и до моря и от рек до конца вселенной».

По случаю рукоположения нового патриарха царем был устроен в Грановитой палате богатый стол. «И из стола святейший Никон патриарх Московский и всеа Руси встав, ездил кругом города Кремля на ослати. А осля водили под патриархом бояре и околничие те ж, которые были у стола»²¹. Русские архиереи, участвовавшие в поставлении Никона, дали ему настольную грамоту за своими подписями и печатями. В грамоте говорилось: «С великою нуждею умолиша его на превысочайший святительский престол». В этот день патриарху были поднесены богатые подарки, а через некоторое время царь пришлет ему золотую митру-корону — по образцу тех, что носили греческие патриархи, — вместо обычной до того времени патриаршей шапки, опушенной горностаем...

Став патриархом, Никон резко изменил свое поведение по отношению к своим вчерашним соратникам-боголюбцам. «Егда поставили патриархом, — пишет протопоп Аввакум, — так друзей не стал и в крестовую пускать» (то есть в залу для приемов на Патриаршем дворе). Его гордыня и упоение властью поистине не знали границ. «Он любил пышные богослужения и неустанно совершал их, привлекая для участия к сослужению всех разрядов клириков до 40—75 лиц, — писал историк Церкви А. В. Карташев. — Украшался самыми дорогими облачениями из патриаршей ризницы и создавал новые, небывало роскошные. Например, к Пасхе 1655 года был заказан саккос из венецианской парчи чистого золота, усыпанный жемчугом и драгоценными камнями в таком количестве, что весил полтора пуда; одна епитра-

¹⁸ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. М., 2009. С. 171.

¹⁹ Дьякон Федор. Собрание творений. СПб., 2019. С. 102.

²⁰ В дониконовской Русской Церкви при поставлении архиерея в более высокий сан (например, епископа в архиепископа или в митрополита), а также при поставлении на патриаршую кафедру над кандидатом полностью повторялось архиерейское рукоположение. Особый чин поставления патриарха появляется лишь начиная с Никона.

²¹ Цит. по: Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни...». С. 46.

хиль, максимально украшенная, весила около пуда. Стоимость облачения по-тогдашнему оценивалась в 30 тысяч рублей²². Такая преувеличенная богослужебная пышность подсказывалась не просто одной суетностью, но была для Никона символом и орудием усиления его власти. Никон хотел реализовать права, какие он вычитывал для себя в букве Кормчей. Например, Павел Алеппский сообщает, что до Никона ни один епископ не ставился без царского указа. А Никон стал это делать равно единственно по своей власти — и судить, и запрещать епископов... Никон был строг и тираничен в суде над духовенством. Особые дьяки Никона ходили по церквам Москвы и доносили ему о беспорядках. Патриаршие стрельцы забирали на улицах нетрезвых попов и сажали в каталажки. Все это и раньше практиковалось. Но при Никоне приняло характер „террора“. Слуги Никона тоже стали заносчивыми. Это взволновало и подняло против Никона большинство Москвы. Начиная с бывших друзей Никона — протопопов Стефана Вонифатьева, Иоанна Неронова, Аввакума — все духовенство поднялось против патриарха. Гордость и недоступность Никона были безмерными. Говорили: „У него устроено подобие адовых предписаний; страшно к воротам подойти“»²³.

Ко всему прочему, по мере увеличения власти, в Никоне развились неимоверное самодурство и крайняя жестокость. Протопоп Иоанн Неронов писал Никону: «Какая тебе честь, что ты страшен всякому. Кто ты? Зверь лютый, или медведь, или волк, или рысь? Дал тебе благочестивый государь волю, и ты, зазнавшись, творишь всякие поругания, а ему государю сказываешь: „Я-де делаю по Евангелию и по отеческим Преданиям“».

Однако это было только начало, вскоре Никон, по выражению гениального протопопа Аввакума, и «яд отрыгнул»...

²² Для сравнения: в середине XVII века за год (!) тяжелой крестьянской работы на хозяйском довольствии молодой крепкий мужчина получал пять рублей, женщина — два с полтиной, а лошадь стоила полтора рубля.

²³ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. С. 175—176.

3. «Великаго смущения и мятежа церковь исполни»: начало церковного раскола

В конце февраля 1653 года, в самом начале Великого поста, патриарх разослал по московским церквам указ — «память», в которой всем православным с этого дня предписывалось: «Не подобает в церкви метания (то есть поклоны) творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы крестились». Эта пресловутая «память», изданная патриархом единолично, без предварительного соборного обсуждения, была словно гром среди ясного неба. Но особенно тяжелое впечатление произвела она на боголюбцев, или ревнителей церковного благочестия. Так назывался — кружок духовных и светских лиц, объединившихся в конце 1640-х — начале 1650-х годов в Москве вокруг протопопа Стефана Внифантаева, духовника царя Алексея Михайловича. «Ревнители» стремились к исправлению церковной и гражданской жизни в России путем утверждения благочестия на основе строгого следования церковным уставам и постановлениям Стоглавого собора 1551 года. В него входили люди образованные и искусные в деле проповедничества: настоятель Казанского собора Иоанн Неронов, протопопы юрьевский Аввакум и муромский Логин, романовский Лазарь и костромской Даниил. Из светских лиц им сочувствовал Федор Ртищев и его сестра Анна Вельяминова, из черного духовенства — игумен Павел, будущий епископ Коломенский.

Протопоп Аввакум по прошествии многих лет прекрасно помнил это событие: «Мы же с епископом Коломенским Павлом и с духовником Стефаном, и со Иваном Нероновым, и с костромским Даниилом протопопом, и с муромским протопопом Логином, сошедшеся, задумались: видим, яко зима хочет быти, сердце озябло и ноги задрожали»²⁴. Протопоп Иоанн Неронов на неделю затворился в келье московского Чудова монастыря, непрестанно молясь. И был ему глас от иконы Спасителя: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Протопопы Аввакум и Даниил Костромской, собрав выписки из богослужебных книг о сложении перстов и о поклонах, подали их царю, который отдал челобитную протопопов непосредственно патриарху...

С лета 1653 года начался разгром боголюбцев. Было отправлено в ссылки более 10 протопопов — вождей этого движения. С Иоанна Неронова Никон снял скуфью и заточил в Спасо-Каменный монастырь, на Кубенском озере; Логина Муромского он лишил священнического сана и сослал в муромские пределы; Даниила Костромского лично мучил в Чудовом монастыре, а после сослал в Астрахань, где его уморили в земляной тюрьме; Аввакума сослали в Сибирь, где он провел 11 лет, и лишь заступничество царя спасло его от извержения из священного сана... По стране было сослано множество священников и мирян, сторонников боголюбцев, а некоторые из сосланных даже казнены.

Устранив наиболее активных противников, Никон решил собрать собор для узаконения своих догматических и канонических бесчинств. Собор состоялся в Москве в следующем, 1654 году. Председательствовали на соборе царь и патриарх. Среди участников было пять митрополитов, четыре архиепископа, один епископ, 11 архимандритов и игуменов, 13 протопопов, несколько приближенных царя. Кандидатуры участников собора были самым тщательным образом подобраны патриархом и царем, что дало повод отцу Иоанну Неронову назвать собор «соньмищем иудейским».

²⁴ Житие протопопа Аввакума... С. 315.

Собор 1654 г. Старообрядческая миниатюра

Постановления собора предreshались уже самим способом принятия решения: первым голос подавал царь Алексей Михайлович. Однако, несмотря на тщательный подбор «кадров», проводившийся царем и патриархом перед началом собора, все же нашлись недовольные, а один из епископов открыто выступил в защиту старых книг. Это был епископ Павел Коломенский, который и стал первой жертвой гордого и властолюбивого патриарха. «Мы новой веры не примем», — прямо заявил Никону епископ Павел. (Суть этой «новой веры» впоследствии

очень точно выразит новообрядческий патриарх Иоаким: «Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем».)

Пытаясь «вразумить» непокорного епископа и обосновать необходимость книжной «справы», Никон заявил, что речь-де идет совсем не о новой вере, а лишь о некоторых «исправлениях» и что «ко исправлению требуется грамматическое художество», на что епископ Павел резонно отвечал: «Не по правилам грамматики новшества вносятся; какая грамматика повелевает вам трисоставный крест с просфор отметить? Но не по правилам грамматики седмицу просфор на службе отместе, Символ приложеньми и отложеньми умножаете». Перечислил епископ и прочие новшества, вводимые отнюдь не по грамматическим правилам: и троение «аллилуйи», и сложение перстов, а вместо подписи своей под соборными постановлениями написал: «Если кто от преданных обычаев святой соборной Церкви отъимет, или приложит к ним, или каким-либо образом развратит, анафема да будет». Это привело Никона в ярость. Он собственноручно избил епископа Павла на соборе, сорвал с него мантию, без соборного суда лишил епископской кафедры и велел немедленно отправить в ссылку в далекий северный монастырь, где тот вскоре и погиб при невыясненных до сих пор обстоятельствах. Последовать примеру епископа Павла и открыто протестовать против новшеств никто из епископов не решился, хотя многие были с Никоном и несогласны.

Через два месяца после завершения собора, в июле того же года, Москву постигла тягчайшая эпидемия моровой язвы. Многими православными это было воспринято как наказание Божие за отступничество церковной иерархии от веры предков. В народе прекрасно чувствовали пролатинскую сущность церковной реформы Никона. В 1654 году в Москве произошел бунт, среди требований которого, в частности, было и прекращение церковной реформы. Восставшие прямо называли вещи своими именами: «Патриарх ненадежен в вере и действует не лучше еретиков и иконоборцев».

Между тем, властолюбие и гордость Никона, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в мире западном был римский папа, вскоре привели его к разрыву даже с поддерживавшим и направлявшим его царем Алексеем Михайловичем. Да, прав был А. Мейерберг, когда писал о царе Алексее: «Любимцы у него непрочны, не только по общему пороку всех дворов, по которому положение любимцев, следуя непрочности всех человеческих дел, всегда шатко и легко рушится в прах от всякого, хоть бы и слабого, удара, но и потому еще, что это люди без твердых оснований в какой бы то ни было добродетели, укрепившись на которых громоздкое здание государевой милости стоит прочно, поддерживаемое заслугами»²⁵.

В 1658 году Никон, официально титуловавшийся «великим государем», самовольно оставляет патриарший престол, бросая таким образом свою паству на произвол судьбы. Поступая так, он, вероятно, рассчитывал на то, что царь, одумавшись, начнет его упрасивать вернуться на патриаршество и выполнит новые его требования. Но Никон уже был не нужен царю и его окружению. «Мавр сделал свое дело» — чудовищный маховик реформы был запущен.

И здесь закономерно возникает вопрос: а для чего вообще нужна была эта пресловутая никоновская, а точнее алексеевская реформа Церкви? Формальным поводом послужило исправление якобы неисправных богослужебных книг. Реформаторы утверждали, что со времени принятия христианства при князе Владимире в богослужебные книги по вине «невежественных» переписчиков вкралось такое множество ошибок, что необходима серьезная правка. Эта мысль явилась из сличения оригиналов и переводов. Но что в данном случае принималось за оригинал? Новогреческие богослужебные книги, напечатанные в иезуитских типографиях Венеции и Парижа! Греки тогда находились под игом турок-османов, и собственные типографии им заводить запрещали. Помимо того, что за семь веков, прошедших со времени Креще-

²⁵ Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М., 1997. С. 151.

ния Руси, греки, заразившись латинским духом, сами существенно изменили чинопоследования многих церковных служб, к этим изменениям добавлялись еще сознательные еретические искажения, внесенные хозяевами типографий — иезуитами, стремившимися всеми правдами и неправдами подчинить православный мир римскому папе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.